

Возможно, из-за страха, что инструктор действительно продлит время военной подготовки, на второй день студенты были невероятно сосредоточены и предельно внимательны. А я, пожалуй, среди двадцати восьми молодцов из группы 0107 боялся продления военной подготовки больше всех, а потому отдавался этому делу еще целеустремленнее и изо всех сил. Когда в полдень объявили перерыв, суровое выражение с лица инструктора так и не сошло, поэтому за обедом весь класс был ужасно удручен. Сидя над своей миской с рисом и погрузившись в оцепенение, я вдруг услышал, как Цзян Сяо и пара других ребят ругают инструктора безжалостной ледышкой и говорят, что если не устроить ему какую-нибудь взбучку, он так и не поймет, кто здесь хозяин.

Я очень переживал, что Цзян Сяо сотоварищи действительно учудят что-нибудь из ряда вон выходящее. Если они разозлят инструктора, тот вполне может продлить военную подготовку до месяца, двух или даже «протренировать» нас так весь этот семестр, кто знает. Однако не успел я после обеда вернуться в общежитие и посидеть немного, как Цзян Сяо тоже вернулся и молча лег на кровать.

Во второй половине дня студенты поголовно выглядели так, будто им уже терять нечего — я догадывался, что они просто выдохлись, пала духом и отчаялись, потому что все их утренние старания из кожи вон не принесли им от инструктора ни единой похвалы. Была не была! Эти мои полсотни с лишним килограммов теперь полностью в вашем распоряжении, делайте со мной что хотите!

Я все ждал с замирающим сердцем, когда же Цзян Сяо и остальные покажут «холоднокровному» инструктору какую-нибудь «кузькину мать». Да сколько у них вообще хватит сил тягаться с инструктором? И как инструктор отреагирует на их выходку? Не накажет ли по всей суровости воинского устава? Однако я прождал до самого сумеречного вечера, прождал до тех пор, пока инструктор не объявил: На сегодня тренировка окончена, завтра и послезавтра отрабатываем строевой шаг! Разойтись! — и лишь тогда услышал, как Цзян Сяо сотоварищи с необычайным воодушевлением и громко крикнули: Ура!

И это всё — то, что они называли расправой? Не понимаю, я решительно ничего не понимаю.

Наверное, невидимый камень, лежавший на душе, наконец свалился, потому что в ту ночь я спал мертвецким, сладким сном. Проснувшись утром третьего дня, я не чувствовал ничего особенно тягостного, если не считать ломоты в пояснице и ноющей боли в ногах. Но затем последовали два дня отработки строевого шага, а следом еще два дня бега, и с каждым днем мне становилось все труднее держаться. Хотя я все стискивал зубы и твердил себе: терпеть, терпеть и еще раз терпеть! — но прежде, чем беговая подготовка успела удовлетворить инструктора, я уже потерял аппетит и покой во сне.

Шел то ли какой-то по счету день военной подготовки, погода стояла на редкость прекрасная. С самого раннего утра солнце раскалилось добела, словно огненный шар, и нещадно палило всю землю, всю площадь и меня целиком. Задание на этот раз выдалось удивительным: нам не велели делать абсолютно ничего, нужно было просто стоять — стоять неподвижно.

Поначалу, в самом начале стояния, я даже радовался, что сегодня не придется ни шагать, ни

бегать — как раз выдастся отличный шанс дать передышку опухшим мышцам и ноющим суставам. Но прошло десять минут, пролетело полчаса, и мне стало невыносимо. Никогда еще в жизни мне не доводилось вот так стоять без движения целых полчаса, все тело пронзило непередаваемое мучительное чувство. Мне безумно хотелось шевельнуться, хотелось вытянуть руки и попинать ногами воздух, хотелось даже покрутить шей и размять поясницу, но я не смел сделать ничего — из-за строжайших требований инструктора запрещалось абсолютно всё, кроме моргания!

Я просто стоял, стоял, стоял... Не знаю с какого момента, я перестал чувствовать собственные стопы, перестал чувствовать ноги, перестал чувствовать руки. Моя голова то уменьшалась, то увеличивалась, то становилась тяжелой, то легкой, а боль сменялась головокружением. Инструктор перед глазами раздвоился, а потом и утроился, перестал стоять на месте, зашатался и поплыл. В глазах нестерпимо жгло, жгло огнем — неужели туда затек пот? В груди невыносимо пекло, распирая изнутри — не кипит ли там и не бурлит нагретая палящим солнцем кровь?

Бух! — это я рухнул на землю? Пропало! Я снова опозорился!

— Чжоу Юй! — после громкого окрика в тумане сознания мне показалось, будто у меня в боках внезапно выросли две подпорки, и мое легкое, порхающее тело разом обрело опору.

<http://bllate.org/book/21943/2279736>